

«БОЕВОЕ» КРЕЩЕНИЕ

Из записок молодого специалиста

М. КАРМИН

Вот ещё одна из «записок работника народного образования» (первые две читайте в №2, 2010 и №6, 2011), из которой становится очевидно, что любой учитель всегда под колпаком детского пристального внимания, под увеличительным стеклом особого интереса. Классный руководитель — тем паче. Но ему и многое прощается. Вспомним, как мы прощали своему классному руководителю и занудство, и язвительные шуточки, и гнев, и чуть не подзатыльники. Потому что чувствовали — это не корысти ради, не со зла. А от неравнодушия. Хотя и от бессилия, конечно, тоже...

— А я не дам дневник! — Алла смотрит на меня с ненавистью.

Первый месяц моей работы в родной школе. 8 «В». Трудные дети. Меня заранее предупреждали, но... Господи, сколько можно! Всё так хорошо начиналось, и на тебе. Одна ученица довела меня до белого каления. Специально, методично, под одобрительный гул класса. Это называется у них проверкой «на душок». И Алла не первая по счёту, но первая такая крутая. Я уже пять минут, пытаюсь сдержаться, говорю: «Дай дневник», а в ответ получаю: «Не дам».

— Нет, — говорю я спокойно, хотя внутри всё кипит, — ты дашь мне дневник.

— Нет, не дам! — упорствует Алла. — Зачем он вам?

Сказано очень презрительно, интонация уже за гранью дозволенного.

— Алла, — говорю я. — Ты дашь мне дневник, и я поставлю в нём оценку. И за поведение тоже. Ты её заслужила.

— Не дам, — возражает она. — Отберите!

— Сама принесёшь! — фыркаю я. — Я ещё до такого не доходил.

— А у меня его нет, — меняет «пластинку» Алла. — Вот портфель, обыщите.

— НИКОГДА, — почти кричу я. — НИКОГДА Я НЕ ПОЗВОЛЮ СЕБЕ КОПАТЬСЯ В ЧУЖИХ ВЕЩАХ! ПРИНЕСИ ДНЕВНИК.

Класс уже одобрительно смотрит на меня, потом на Аллу.

— Не дам! — говорит она.

Десять минут. Я понимаю, что урок сорван, но не могу позволить себе проиграть. Проигрыш сейчас — и я могу уходить с работы. Мой завуч — зверь: бросила меня к ним — и либо тони, либо выплывай. Все классы не подарок, одни «бандитики» чего стоят, ещё и эти...

— Нет, — повторяю я уже в тридцать третий раз, — ты дашь дневник.

Интонация, говорю я себе, держи голос ровным, спокойным.

Ещё три минуты препирательства. Тут не выдерживает Рита, сестра Сослана:

— Да отдай ты ему дневник, — бросает она, подразумевая явно, что иначе я ещё долго так буду.

117

Сведения
об авторах
[143 - 144]

— А если не дам? — спрашивает Алла.

— Дашь, — говорю я спокойно, хотя в душе страх, а вдруг не даст. — Иначе и следующий урок будем спорить.

— Не дам. — Опять всё снова.

Ещё две минуты, и всё-таки не выдерживает Алла. Издав вопль «Достал!», она начинает рыться в портфеле, вытаскивает дневник и подходит ко мне на расстояние около трёх метров.

— Вот, — говорит она, и класс замирает, чувствуя, что это не всё. — Вот, подавитесь!

И Алла швыряет дневник в меня. Три метра. Дневник летит, вращаясь, как бумеранг, направляясь прямо в переносицу. Всё, что успеваю я подумать, — это то, что я не буду уклоняться и закрываться рукой, и смотрю ей в глаза.

Не долетев полметра до меня, дневник раскрывается. Страницы играют роль тормозного парашюта, дневник шлёпается на стол передо мной. Класс синхронно выдыхает.

Я украдкой сглатываю, потом спокойно разворачиваю дневник, беру красную пасту, вывожу двойку за поведение и протягиваю дневник Алле.

— Спасибо. — Я всегда стараюсь быть вежливым, хотя сейчас это даётся мне с трудом. — Возьми.

Алла медленно подходит и берёт свой дневник. Взгляд в упор, потом, вспыхнув, она опускает глаза.

— Всё? — цедит она сквозь зубы.

— Всё, Алла, — я спокоен. — Садись.

Больше ничего я не успеваю ни сделать, ни сказать — звенит звонок с урока. Н-да...

Детки выходят из кабинета, только напоследок Сослан задерживается возле двери, окидывает меня оценивающим взглядом и уходит.

Когда за последним учеником дверь закрывается, я обрушиваюсь на стул, роняю голову в скрещённые руки. Нет даже ярости — одно оупение...

Потом вижу забытый на столе журнал класса и начинаю изучать успеваемость по всем предметам каждого из детей. Алла перебивается с двойки на тройку, но есть и четвёрки. Ну, и характер...

* * *

Через урок я вызываю её к доске. Идёт закрепление материала после новой темы, и Алла отвечает великолепно.

— Кто был у доски, — за две минуты до звонка говорю я, — дневники мне на стол.

Выставляю оценки, звенит звонок, вокруг меня куча-мала. Наконец ставлю в последний дневник оценку, и тут ко мне протискивается Алла и протягивает дневник. Все умолкают.

Я беру дневник, открываю его, пишу в графе своего урока: «Молодец» — и ставлю пять. Потом отдаю его.

Алла, не веря самой себе, открывает дневник, смотрит на оценку, на комментарий к ней и облегчённо вздыхает. Потом она поднимает голову и встречается со мной взглядом.

— Спасибо, Михаил Владимирович, — говорит она.
— За что? — Я удивлён.
— За пятёрку, — объясняет она.
— Не за что. — Я начинаю объяснять. — Действительно, не за что. Ты заработала «пятёрку», почему я должен тебе ставить что-то другое?
— Но ведь... — она замолкает на полуслове и быстро уходит.
Я обнаруживаю, что я не один, и оглядываюсь. Вокруг меня стоят все детки и смотрят на меня. Потом кто-то говорит: «О чёрт, русский!» — все вздрагивают и убегают на урок русского языка.

* * *

Два года спустя Алла заканчивает девятый класс без «троек», сдаёт экзамены и получает очень и очень приличный аттестат. Уже к середине восьмого класса она выправила оценки, стала одной из лучших учениц этого класса, переместилась с последней парты на первую. Мы больше никогда не спорили, все мои учительские требования она выполняла беспрекословно.

Летом, во время ремонта кабинета, она зашла в школу и поднялась ко мне. Показала свою выпускную фотографию, попросила расписаться там, где были росписи других учителей. Я расписался и отдал ей фотографию. Она всё не ушла.

— А помните, Михаил Владимирович, — начала она, — как я в Вас дневником кинула?

Вначале я хотел сказать, что такого не было и что я забыл. Потом передумал.

— Помню, Алла. — Я улыбнулся. — Вот смех был, правда?

Алла неуверенно улыбнулась в ответ.

— Извините меня, — попросила она, — пожалуйста.

Я посмотрел на неё, она ждала, и мне стало понятно, насколько для неё это важно.

— Поддела ты меня здорово. — Я перестал улыбаться. — Но я не обиделся. И давно простил.

— Правда?

— Да, правда, — ответил я. — Всё в порядке. Извиняю.

— Спасибо, — сказала Алла, хотела что-то ещё добавить, но я её перебил.

— А теперь кыш отсюда, — замахал я руками. — Иди домой и готовься. Тебе ещё в десятый класс идти. Отбор проходить.

Алла ушла, а мне стало приятно. Эх, подумал я, правильно сделала мой завуч, что дала сразу самых трудных. Какими они всё-таки людьми вырастают!

